

ИСТОРИЯ

СУДЬБА РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ: МОЙ ДЕДУШКА, КНЯЗЬ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

**К 50-летию благотворительной деятельности
Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского в России**

Литературная запись ЕКАТЕРИНЫ ФЕДОРОВОЙ

Приведу в качестве вступления воспоминания Валентины Николаевны Иванюк, дочери моей няни:

«Старый князь был невысокого роста, худенький, с несколько монгольскими чертами лица. Супруги так достойно себя вели, что со временем мы внутренне стали преклоняться перед величием их души. Ведь старого князя, мы знали, в России часто приглашали ко Двору, и он нередко танцевал с императрицей Александрой Феодоровной. А тут, в Софии, он надевал длинный большой белый фартук и мел обициую лестницу. И ни слова ропота».

В детстве я так воспринимал своего дедушку: он любит, понимает и знает вкус в двух областях – в православном богослужении и в музыке. И в эти две стихии, мне казалось, он был полностью погружен. Он любил посещать храм Александра Невского в Софии, поскольку там пел хор профессиональных певцов Софийской оперы. И играл на скрипке Страдивари (скрипка была продана в Софии, после того как дедушка обанкротился). Впоследствии я узнал, что у дедушки в царской России был большой круг деловой и общественной деятельности. И в эмигра-

ции он неустанно трудился – как в области земных дел, так и в благотворительности. Представляю читателю круг его чинов, должностей, деятельности, историю его жизни.

В России

Князь Лобанов-Ростовский Иван Николаевич (24.11.1866, с. Лобаново, Ефремовского уезда, Тульской губ. – 13.10.1947, София).

Имел звание камер-юнкера при дворе императора. К званию присоединилась почетная должность управляющего государственными конезаводами. До Октябрьского переворота Россия была бесспорным лидером в мире коневодства. В крестьянском и помещичьем хозяйстве лошадь была важнейшим помощником, товарищем и другом. Ясно, сколь важна была его должность в системе российских традиционных ценностей.

Коллежский советник (в Табеле о рангах соответствовал чину армейского полковника), причислен к Главному управлению землеустройства и земледелия. Дедушка был владельцем городских домов в Петербурге и Москве.

Помещик, землевладелец: с. Лобаново (Александровское) Ефремовского уезда Тульской губернии и с. Троицкое-Лобаново Бронницкого уезда Московской губернии (ныне Ступинский район Московской области).

Владелец винокуренного завода в с. Лобаново, дававшего 100 тысяч рублей годового дохода.

Собственник узкolinейной железной дороги для перевоза зерна в г. Аккерман, Бессарабия (продал до побега в Румынию, с целью получить средства для этого побега). Видимо, урожай зерна из своих имений в благополучные годы князь Иван Николаевич переправлял за границу по этой железной дороге. Эта собственность объясняет и то, почему семья в эпоху Гражданской войны совершила побег в Одессу, близ которой располагался Аккерман. В Одессе же находился и дом, принадлежавший старшему брату Ивана Николаевича, камергеру и члену Госсовета Алексею Николаевичу Лобанову-Ростовскому, к тому времени находившемуся в эмиграции. Именно в этом доме семья неизвестных беглецов и расположилась на время. Отсюда бежала по водам Днестра в Румынию.

Во время Первой мировой войны князь работал уполномоченным Красного Креста в прифронтовой полосе. Входил в Совет помощи Добровольческой армии.

Октябрьский переворот и годы Гражданской войны в судьбе Лобановых

Рассказывая об этом времени, приведу некоторые фрагменты из документального романа-эпопеи

латыш, назначена новая суровая «тройка» (ускоренное тайное судопроизводство, выносившие приговоры без доказательной базы, на основе мнения, что лицо действует против советской власти). В Ефремове чекисты взяли в заложники предводителя дворянства, затем 12 человек из помещиков и купцов, без предъявления обвинения. 13-м оказался Иван Николаевич. Начались расстрелы. Иван Николаевич вел себя в тюрьме мужественно. Ночью «нарядили» 7 заложников – рить яму. «Для нашего ли

промерзла. Заложники вновь стали падать духом, в особенности те, кто помоложе. Но князь всех утешал и ободрял. Когда они свое дело докончили, их отвели в сторону за угол, чтобы не мучить картиной расстрела».

Понимая, что неминуемо следующей жертвой будет дедушка, бабушка придумала план по спасению. Дедушка должен был оказаться больным, его бы перевели в тюремную больницу, а оттуда, в силу пожилого возраста, была договоренность с тюремным доктором взять его

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский с супругой Верой Дмитриевной Лобановой-Ростовской

моей бабушки, княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века. До и после 1917-го. Воспоминания матери», изданного в Москве на русском языке в конце 2018 года в издательстве «Минувшее». Семья бежала из имения Лобаново, стремясь укрыться в уездном городе Ефремове.

«В сентябре 1918 в Ефремов был прислан новый председатель «чеки»,

расстрела яму рить?» – спрашивали они... Один только князь ничего не спрашивал, но еще останавливал и уговаривал других: «Не малодушствуйте, господа, пойдемте скорее на работу; Господь нас не оставит – на смерть ли мы идем, или нет – Он всегда с нами! Но я убежден к тому же, что нас не ведут на расстрел».

Его бодрость почти разом подействовала и на других. Начали работать. Копать было трудно: земля

домой, на попечение жены. Дедушка отказался наотрез, приведя в отчаяние бабушку: «Я не могу этого сделать по отношению к другим заложникам. Я почти всех старше по годам, а по положению – тем более, поэтому своим примером я должен их поддерживать и смягчать их подчас тяжелое настроение. Я стараюсь не допускать никогда их до препирательств между собою и поднимают их состояние духа. Поверь – без меня им

будет очень тяжело... Не заставляй меня воспользоваться средством, которым другие не могут воспользоваться».

Бабушка не могла не сетовать на категоричность мужа. Не все жены, как она, бесстрашно бросались в переговоры с тюремщиками, давали взятки, разрабатывали детальные планы. Тут помогло прорицание, иначе не сказать. Дедушка, истощенный тяжким трудом по ночам – заложников заставляли вывозить нечистоты в бочках, – действительно потерял сознание и был переведен в тюремную больницу. Далее – реализация дерзкого плана по освобождению дедушки была всецело в руках бабушки. Усилиями бабушки супруги с детьми попадают в беженский поезд, возвращавший простой люд к себе, в родные места, и вместе с ними оказываются в Одессе.

Дедушка пошел подышать воздухом и полюбоваться морем на Николаевский бульвар. Домой он не вернулся. На этот раз его арестовало одесское «чека». И вновь Ивана Николаевича спасла бабушка, придумав новый хитроумный план: в тот момент, недолгий период, председателем «чека», к счастью, был «бывший рабочий, увлеченный коммунистическими идеалами и идеями, уверенный в том, что действует исключительно на основании справедливости, а потому только такого рода доводами на него можно было еще действовать».

Бабушке удалось найти «подход» к этому начальнику через сочувствующих ей людей, которые убедили его: «...товарищ Лобанов, хоть и бывший князь, но человек очень добрый и всегдаший покровитель несчастных и угнетенных, а потому председатель «чека» не должен допу-

стить расстрела – как акта в данном случае высшей несправедливости. Обещание было исполнено».

Рассказ деда об «аде тюреммы» наполнил всю семью ужасом:

«Лично со мной чекисты не позволяли себе издевательств, но с другими это было их излюбленное занятие. Ударят, например, кто-нибудь генерала, грязно обругается и скажет:

Троицкое-Лобаново

«Не попросишь генерала, ничего и не добьешься». Или ночью войдет вдруг чекист, зажжет электричество, грубо разбудит свою жертву, ударит прикладом и спросит: «Как чувствуете себя, Ваше превосходительство?» Низко-низко опустится седая голова; жертва молчит и только тихо покатится по щеке слеза. Так хотелось собственными руками задушить этого специалиста по издевательствам... В ночь расстреливали от 15 до 25 человек...

В последние дни моего пребывания в «чека» стали сажать в камеры провокаторов, тоже из среды арестованных, которым за предательство была обещана свобода. Они приставали, лезли с самым нелепым разговором, употребляли приемы очень грубые и отвратительные.

Еще очень тяжелы были вопросы мытья и вообще гигиены. Можно было буквально загнать в камерах, кишащих насекомыми, чemu особенно

содействовало присутствие уголовного элемента...

Да, я рад, конечно, что вырвался из этого ада, но должен сказать, что я видел там краешек неба: так чудно возвыщенно было настроение многих; среди них и я порой чувствовал себя действительном христианином...»

Вскоре деда вновь арестовали. Семья решила – это конец. Однако

и тут обстоятельства благоприятствовали. В августе 1919 года население Одессы с ликованием встречает Добровольческую армию. Ликование было недолгим. Слухи о том, что «большевики спрашивали и слева», заставляют Веру Дмитриевну повторить мужа с отъездом, а сама она предполагает выехать с детьми и старой матерью чуть позже. Увы, так не получилось. Слова старшего сына Николая стали решающими:

– Мата, если ты немедленно не отправишь Рара, он погибнет в первую очередь. Ты сама понимаешь, что после председательствования в комиссиях, имевших отношение к Добровольческой армии, он на счету у большевиков и в списке будущих их жертв.

– Ты прав, я сама думала то же самое. Поезжай с Рара завтра же...

Шесть сыновей и две дочери

У дедушки с бабушкой было шесть сыновей и две дочери. Борис умер в возрасте девяти лет и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Когда произошел Октябрьский переворот, трое старших, Николай (1891 г.р.), Никита (1898 г.р.), Яков (1900 г.р.), были молодыми, но уже взрослыми людьми. Во время Гражданской войны каждый получил свою долю тяжелых испытаний.

Николай, имевший в то время довольно большой стаж на дипломатическом поприще при МИД Российской империи, ясно осознал, чем грозит большевистское царство не только для его семейства, но и для множества русских людей: «Уезжаю надо... Видел я все цвета большевистской радуги и знаю, что при лицемерных вздохах Европы большее неминуемо проглотит меньшее, и на много лет».

Он скрывался, как мог, ему удалось бежать вместе с отцом.

Никита, белый офицер, «...три года провел в кровавой бане, много-кратно был ранен, несколько раз находился в плену большевиков, столько же раз стоял у «стенки», и, хотя каждый раз бывал чудесно спасен, но потрясений все же не избежал... Страдал последствием отмороженных ног после того, как красные гнали его без сапог на расстрел по снегу, когда, уже падая от изнеможения, он был отбит отрядом белых».

Ему удалось скрыться своим особым путем, до сих пор неизвестным. Попал в Константинополь, скитался по разным столицам Европы. Оказался в Париже. Последствия ранений Никиты Ивановича привели и к чудовищным головным болям. «Результатом этого стал припадок бурного умопоступления и гибель Никиты в августе 1921 года».

Яков был семнадцати лет призван в Красную армию. В какой-то момент ему также удалось исчезнуть, и он оказался в эмиграции.

Двоемладших, Дмитрий (1907 г.р.) и Иван (1911 г.р.), в то время были

школьниками. Им воочию пришлось столкнуться с ужасами Красного террора в Одессе, поскольку семья Лобановых с ноября 1918 жила неизнанной в доме старшего брата Ивана Николаевича – Николая Николаевича Лобанова-Ростовского. А именно в этом доме чекисты каждую ночь расстреливали приговоренных...

Когда родился младший Ваня, Ивану Николаевичу было 45 лет. Как часто бывает в многодетных семьях, последний ребенок оказался особенно восприимчивым, тонко чувствующим, остро реагирующим на несправедливости.

Белый офицер Никита Иванович Лобанов-Ростовский

«[Ваня] всей своей детской душой ненавидит большевиков и целыми днями рисует картинки об их гибели и муках в ад». Он левша, а рисует одно-

временно и правой, и левой рукой, но разные вещи. Ни у кого другого я этого не замечала. Например, он левой рукой начинает рисовать черным карандашом человека снизу от каблука, а правой он в то же время рисует желтым цветным карандашом солнце. Он никогда ничего не срисовывает, а все придумывает сам. Например, нарисует он расстрел людей большевиками и возле бесенят-подстрекателей, а наверху изобразит рай и души убиенных, встречающихся ангелами...

Или еще, помнится мне, нарисовал он как-то страшного зверя, и это чудице старается подгрести под себя земной шар, а Господь Бог прощает сверху руку и этим останавливает его намерение... Ведь ребенку, с его чистотою, должно быть непосильно смотреть на все творящиеся кругом несправедливости. Вася также делает надписи на рисунках и изливает все свои чувства в них. Например, пишет: «Бог прогоняет большевиков», а сам в это время радуется».

Понятно, что Ваня, таким, каким он был, не мог не хотеть продолжить дело погибшего старшего брата Никиты. 19 лет было Никите, когда он вступил в Белую армию. 19 лет было Ивану, когда он отправился с неведомыми никому целями – сначала в Румынию. А оттуда, как оказалось, через полтора года, неизвестно какими путями, – в Россию, защищать родину от большевиков. Наверное, князь Иван Николаевич знал о намерениях Вани и, исходя из своего характера и принципов, благословил. Но какое тяжелое горе – не узнать больше

Анна Ивановна
Лобанова-Ростовская

никогда о судьбе сына, не получить никогда весточки...

Во французских газетах промелькнуло сообщение, что группа бело-эмигрантов, при попытке перейти границу, была расстреляна. Упоминался и Иван. Только во время перестройки мне удалось познакомиться с документом, где указано: по постановлению пресловутой «тройки» И.И. Лобанов-Ростовский расстрелян в 1932 году. А в 1989 году – реабилитирован... Ему был 21 год. Как и Никите, когда тот погиб.

Приведу удивительный факт. Когда родился мой отец Дмитрий Иванович, его крестными стали великая княгиня Елизавета Федоровна и княгиня Вера Николаевна Лобанова-Ростовская, (ур. Долгорукова), известная коллекционерка драгоценностей, а также прототип рассказа А.П. Чехова «Княгиня». Елизавета Федоровна подарила крестнику образ Ангела хранителя. А Вера Николаевна – специально заказала образок Козельщанской Божьей Матери. Почему? Вот как передает бабушка ее предсказание:

«Мне снилось с 1 на 2 апреля, что образ Козельщанской Божией Матери внесли в наш дом и, когда я молилась перед ним, послышался голос Царицы Небесной. Ей угодно было мне

поведать, что меня позовут быть крестной матерью младенца, жизнь которого, а также того, который родится после него, будет связана с особыми судьбами их Родины».

Увы, зашифрованный в предсказании смысл «особых судьбы их Родины» имел трагическое значение: оба – Дмитрий и Иван, родившийся через четыре года после предсказания, – были расстреляны.

Младшая дочь Анна (1896 г.р.), работая во фронтовых организациях Красного Креста и оказавшись вдали от родителей, вышла замуж за офицера Соколова, вскоре погибшего, родила ребенка и... «пропала в Своддепии».

Старшей дочери Ольге (1894 г.р.), активной участнице Красного Креста, удалось оказаться за границей раньше других. Она и стала главной помощницей в организации плана побега.

Итак, побег семьи Лобановых планировался на январь 1920 года из Одессы, путем нелегального перехода границы с Румынией, но удалось его осуществить лишь в три мучительных этапа в течение года и трех месяцев.

Деду моему, князю Ивану Лобанову-Ростовскому удалось бежать из Советской России со старшим сыном Николаем в январе 1920-го. Сначала они попали в Румынию. В эмиграции уже оказались сыновья Никита и Яков. Ждали со дня на день и мою бабушку Веру Дмитриевну с 80-летней матерью и двумя младшими сыновьями Дмитрием и Иваном. Однако нашествие красных банд сделало исполнение этого плана невозможным, а путь на время оказался полностью отрезанным. Трудно представить, что пережил дедушка за эти год и три месяца при его обостренном и бескомпромиссном мужском чувстве ответственности, не знающем оттенков и нюансов, когда он осознавал, что жена, младшие дети и немощная теща остались в большевистском плена!

В сентябре 1920-го за младшими братьями тайно прибыла из Румы-

нии моя тетя, княжна Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская, которой в то время стал помогать влюбленный в нее румынский капитан Улик. И ей удалось успешно переправить Дмитрия и Ивана через границу.

И только в апреле 1921 года удалось бежать самой бабушке со своей матерью Ольгой Александровной Калиновской по водам Днестра в Румынию.

После побега путь Ивана Николаевича был таков: он недолго прошел в Румынии, затем отправился в Швейцарию. По желанию своей сестры Ольги Николаевны Лобановой-Ростовской, леди Эджертон, уехал с младшими сыновьями в Англию, где Дмитрий и Иван поступили в школу Харроу около Лондона. А князь последовал в Италию, где воссоединился с женой.

«Стояли чудные дни конца июня. У лазоревых берегов Капри, овеянного ароматом моря и цветов, мы свиделись... Мы провели две недели в нескончаемых разговорах о России, о нашем бегстве... Мой краткий отдох скоро прервался: пришла телеграмма из Англии – надо было ехать за мальчиками, так как их школа на лето закрывалась».

Ольга Николаевна, сестра
И.Н. Лобанова-Ростовского

Летом супруги, забрав из лондонской школы младших сыновей, отправились в Париж, – повидать старших сыновей, Николая, Якова и Никиту, искающих в столице Франции работу. А затем навсегда переселились в Болгарию.

В эмиграции. София. Болгария

Переезд в Болгарию произошел в феврале 1922 года, где князь обосновался с женой Верой Дмитриевной, тещей Ольгой Александровной Калиновской и сыновьями Николаем, Дмитрием и Иваном.

Ивану Николаевичу исполнилось 56 лет. В первые годы эмиграции он стремился обеспечить семью. Занимался грузоперевозками. Обанкротился в 1928 году и потерял все свои деньги. С тех пор, в возрасте 62 лет, вышел на пенсию. Однако не оставил общественной и – как только возникала малейшая финансовая возможность – благотворительной деятельности. Являлся членом Комитета русских беженцев с 1923 года, а также председателем родительского комитета Софийской русской гимназии, где учился его сын Дмитрий; преподавал латинский язык (1924–1927 гг.); входил в попечительский совет Борисовского сада.

Борисов сад в центре Софии аналогичен Bois de Boulogne в Париже. В Борисовом саду, кроме деревьев и газонов, есть озера (на которых я играл в хоккей зимой), спортивные площадки, бассейн и памятники культуры. Этот сад всегда управлялся и управляется отделом мэрии с попечительским советом, в который когда-то входил мой дед Иван Николаевич.

Должен отметить, что на русскоязычных сайтах, посвященных знаменитому саду, верно говорится, что назван он в честь царя Болгарии Бориса III (1894–1943). Но неправильно указывается, что царь Борис – последний болгарский царь. После

того как Адольф Гитлер его отравил, трон унаследовал сын Бориса – Симеон II (1937 г.). Поскольку он был малолетним, его дядя Кирилл стал принцем-регентом.

В 1920 году был образован Комитет по сбору средств инвалидам, во главе которого в начале стоял военный представитель Главнокоманд-

Князь Иван Николаевич жертвовал монастырю «Свети Кирик», расположенному вблизи города Авсеновград.

Эзарх Стефан I (1878–1957) был дружен с четой Лобановых-Ростовских еще до Октябрьского переворота. Он учился богословию в Швейцарии. Их виллы находились в соседстве... Эзарх

субсидировал издание книги супруги Ивана Николаевича Веры Дмитриевны на болгарском языке. Он же отпевал ее.

Позже, открыто не принимая действий коммунистической власти в Болгарии, эзарх и сам не избежал репрессий.

В каком-то смысле мой дедушка вынес испытаний больше всех других членов своей семьи. Бабушке, ушедшей в мир иной в 1943 году, не довелось узнать об аресте сына Дмитрия с невесткой Ириной и внуком Никитой, об их дальнейших муктарствах, о расстреле Дмитрия и заключении старшего сына в лагере «Белене».

Ивану Николаевичу было 77 лет, когда он потерял жену, разде-

лившую с ним в течение долгой совместной жизни и горе, и радость. Последние четыре года жизни он испытывал лишь моральные страдания. А помимо них – материальную скучность. Квартиру Лобановых конфисковали в связи с нашим арестом.

Князь Иван Николаевич коротал свои дни в приюте для пожилых людей. Выходя из заключения, я навещал там дедушку и видел, как он страдает, потеряв сына Дмитрия.

Знал ли старый князь о том, что его младший сын Ваня тоже расстрелян, или нет, так и осталось неизвестным.

Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, 1916